

Ситуация на мгновение стала крайне неловкой. Слишком много информации вылилось разом, и никто не знал, за что хвататься; мозги словно заклинило, не в силах всё переварить.

В этот момент Ду Цин краем глаза заметила происходящее, тут же налилась слезами и бросилась к Сюй Сяое в дверях.

У Ван Юньшуй совсем не было совести за то, что она только что назвала Сюй Сяое «дурой». Она холодно хмыкнула и решила временно отступить.

Ду Цин вцепилась в руку Сюй Сяое, и слёзы покатались из её глаз ручьём.

Ань Жун смотрела на эту сцену как на спектакль, и даже не думала выходить, чтобы разрядить обстановку.

Взгляд Сюй Сяое упал на лицо Ань Жун с мольбой о помощи.

Ван Юньшуй уже дошла до двери, но обернулась и сказала с язвительной интонацией:

— Мощно, аж аж. Тебе бы целый грузовик ивуских оскаров подарили, и то мало.

Сяо Юй резко потянула её за руку, Ван Юньшуй дернула головой и, подняв подбородок, ушла.

Ань Жун наконец поняла, что атаки Ван Юньшуй носят сплошной характер.

Ду Цин, запрокинув голову, всё в слезах, посмотрела на Сюй Сяое и сказала:

— Ты должна мне верить, я бы так не поступила с тобой.

Сюй Сяое вздохнула и мягко произнесла:

— Ссорятся, и я не принимаю всерьёз слова, сказанные в гневе. Завтра у тебя есть дела, верно? Иди возвращайся и отдохни пораньше, не плачь так сильно, а то глаза опухнут.

Ань Жун иронично улыбнулась, чувствуя кислоту в сердце. Видишь, доброта Сюй Сяое тоже носила сплошной характер.

Ду Цин бросилась на грудь Сюй Сяое, обхватив её за талию, и, всхлипывая, сказала:

— Пока ты веришь мне, мне всё равно, что говорят другие.

Сюй Сяое с горьким лицом посмотрела на Ань Жун, посылая сигнал бедствия.

Ань Жун оставалась равнодушной, отвернувшись.

Как это? Свои гнилые романы теперь другие должны разгребать?

Ань Жун скривила губы и хладнокровно произнесла:

— Через минуту одежда испачкается, и спереди это будет видно. Мисс Ду, не пора ли вам вставать.

Сюй Сяое беззвучно улыбнулась и артикуляцией поблагодарила.

Ань Жун всё-таки лучше.

Ду Цин встала, осторожно промокнула лицо салфеткой, макияж поплыл, и она, всхлипывая, спросила:

— Я не нарочно, это не страшно, да?

На Сюй Сяое было серое шёлковое платье, на груди уже расплзлось большое тёмное пятно, этот цвет переливался, и от воды он становился особенно тёмным.

Ань Жун молча закатила глаза. Хорошо это или плохо, разве она сама не знает?

Сюй Сяое стряхнула одежду, всё ещё сохраняя вид мягкого человека, и покачала головой:

— Ничего, ты скорее возвращайся.

Ду Цин покорно отозвалась:

— Мм... Я ещё хотела побыть с тобой подольше...

Сюй Сяое сказала:

— Как-нибудь в следующий раз.

Как известно, «в следующий раз» — это пустая чековая книжка с неопределённым сроком.

Ду Цин уходила с неохотой, Ань Жун стиснула зубы.

Она в прошлой жизни даже не знала, что у Сюй Сяое был такой эпизод!

У Сюй Сяое было горькое лицо, она держала края одежды, пытаясь прикрыть мокрое место спереди:

— Что же делать?

Ань Жун молчала, опустив глаза, и не обращала на неё внимания.

Сюй Сяое подошла к ней и начала тереться об неё.

— Отойди от меня, ты мне соплями всю одежду испачкаешь.

Сюй Сяое виновато улыбнулась:

— ...Какие сопли? У меня нет с собой бумаги, у тебя есть?

Ань Жун тряхнула собой:

— Посмотри на мою амуницию, где я смогу спрятать бумагу?

Она тряхнула кисточками на талии, они звякнули, издавая чистый и приятный звон.

Сюй Сяое не понимала, почему Ань Жун будто порох проглотила. Она отступила на шаг, боясь также испачкать Ань Жун; на той была белая одежда, любое пятно на ней было бы особенно заметным.

Ань Жун с отвращением посмотрела на это мокрое пятно, нахмурилась и сказала:

— Подожди немного.

Сказав это, она ушла.

Сюй Сяое осталась сидеть в стороне, обеими руками натягивая свою одежду.

Ся Чуньхуа только тут пришла в себя. Она посмотрела по комнате, полной оцепеневших лиц, не зная, их напугала боеспособность Ван Юньшуй или они зависли от количества информации, но она быстро уяснила самую важную центральную мысль и осторожно села рядом с Сюй Сяое.

— Э-э... — Ся Чуньхуа попробовала спросить. — Слова Ван Юньшуй... ты всё слышала?

Сюй Сяое улыбнулась:

— Какие именно?

Ся Чуньхуа моргнула. Как это сказать?

Конечно, самое ключевое, включающее, но не ограничивающееся фразой, что Сюй Сяое — дура...

Сюй Сяое, казалось, поняла смысл Ся Чуньхуа. Она начала встряхивать свою одежду, меняя тему:

— Не говори об этом, у тебя есть бумага?

На Ся Чуньхуа была одежда в таком же стиле, как у Ань Жун, только с некоторыми отличиями в деталях. На ней было пышное платье, так что бумаги носить было негде.

— Может быть, ты сходишь в туалет посмотреть?

Сюй Сяое серьёзно подумала немного.

— Смотреть в туалете что? — Ань Жун зашла с феном, нашла розетку у стены и направила его на Сюй Сяое. — Сама держи одежду.

Сюй Сяое отозвалась и снова улыбнулась.

Ань Жун недовольно нахмурилась.

Сюй Сяое объяснила:

— Когда ты злишься, ты выглядишь довольно милой.

Ань Жун:

...

Ань Жун сжала губы, включила фен на самую высокую скорость.

После сушки хотя и остался круг тёмного следа, но он стал не таким очевидным.

Ань Жун с отвращением сказала:

— Как будто ребёнок описался.

Сюй Сяое не знала, плакать ей или смеяться, она сама склонила голову и посмотрела:

— Что за сравнение.

Ань Жун сказала:

— В следующий раз сама уворачивайся. Вдруг не будет фена? И тебе так и выходить на люди?

Эти слова были немного тяжёлыми, Сюй Сяое кивнула и тихо сказала:

— Больше такого не будет.

Ань Жун усмехнулась.

Это ещё как сказать, ведь друзья Сюй Сяое повсюду. На чём это держится? На уникальной дружеской мягкости и доброте.

— Обещаю.

Сюй Сяое подняла голову и посмотрела на холодное лицо Ань Жун:

— Правда. Я не отказалась только потому, что не могу себе позволить их обидеть.

Она серьёзно посмотрела на Ань Жун, тихо добавив:

— У них сейчас высокая популярность, и компания их активно продвигает, а мы — нерегулярная армия этого отбора, нам с ними не сравниться.

Она не боялась обидеть благородного человека, но она действительно боялась обидеть этих людей: они могли незаметно подставить, или снаружи наговорить глупостей и направить фанатов на интернет-насилие. Они пока были слишком слабыми.

— К тому же изначально лагеря разные... — Сюй Сяое в гуле фена понизила голос и отрывисто сказала. — Потом ты поймёшь.

Ань Жун не могла описать своё настроение. Ей было немного жаль Сюй Сяое за то, что она так много учитывает, и немного беспомощно от того, что она такой человек.

Это не было недостатком, Ань Жун понимала, что Сюй Сяое, такая «понимающая общую ситуацию», знающая обстановку и готовая склонить голову, должна быть рациональным человеком.

Но она не хотела, чтобы Сюй Сяое была рациональным человеком. Она хотела, чтобы Сюй Сяое могла быть капризной, могла делать всё, что захочет, не заботясь ни о чём, а не как сейчас — учитывая так много и обижая саму себя.

Сюй Сяое взяла Ань Жун за руку:

— Не злись больше.

Ань Жун сжала губы, взгляд уже смягчился. Эх, она действительно не имела абсолютно никакого пути к Сюй Сяое.

Сюй Сяое ещё немного повела себя капризно, покачивая руку Ань Жун.

В сердце Ань Жун вздохнула, она опустила глаза и сказала:

— Я не злюсь.

Сюй Сяое подняла бровь и посмотрела на неё:

— Правда?

Ань Жун вытащила руку обратно, с серьёзной улыбкой спросила в ответ:

— А чему мне злиться?

На ладони Сюй Сяое стало пусто. Она моргнула и улыбнулась:

— Ну, раз не злишься, то и ладно.

В конце концов, она не стала допытываться.

Ань Жун выдохнула, чувствуя, что её сегодняшнее выступление должно быть ещё приемлемым: без чрезмерной заботы и без проявления ревности. Можно сказать, полный балл.

По словам Ван Юньшуй, ивуский Оскар, она может забрать грузовик.

Фен был включён, а они говорили тихо, так что другие не слышали. Ань Жун выдернула вилку фена, обернулась и увидела, что Ся Чуньхуа давно уже улизнула неизвестно куда.

За это время последняя группа впереди тоже закончила выступление. Сюй Сяое шла позади Ань Жун и сказала:

— На этот раз не хватит на один эпизод, так что, вероятно, задержат и не будут показывать, будут ждать до следующей недели, чтобы смонтировать вместе. Так что на следующей неделе эта группировка, скорее всего, не изменится.

Ань Жун отозвалась и пошла наружу.

Сюй Сяое шла следом за ней.

Ань Жун безмолвно обернулась и посмотрела на неё:

— Ты за мной что, идёшь?

— Здесь всё равно нечего делать, выйду, проветрюсь.

Ань Жун слегка замерла, вспомнив, что люди в комнате, вероятно, все слышали те слова.

Сюй Сяое показала слегка стеснительную горькую улыбку, тихо сказала:

— Пошли, пошли.

Она несла на себе прошлое, неизвестное Ань Жун, но не выдала ни звука. Она участвовала в отборе в качестве стажёра, неся огромное давление, но в обычное время смеялась и была спокойна.